

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ им. С. И. ВАВИЛОВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

S. I. VAVILOV INSTITUTE FOR THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY
ST. PETERSBURG BRANCH

COMMITTEES OF THE RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES
in the 18th–20th centuries

*Historical
Essays*

Editor in-chief
a corresponding member of the Russian Academy of Sciences
Yu. M. Baturin

Compiled and edited by G. I. Smagina, E. A. Tropp

Nestor-Historia
St. Petersburg
2013

КОМИССИИ
АКАДЕМИИ НАУК
в XVIII – XX веках

*Исторические
очерки*

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН Ю. М. Батурин

Редакторы-составители:
Г. И. Смагина, Э. А. Тропп

Нестор-История
Санкт-Петербург
2013

УДК 001(091)
ББК 72.3
К55

К55 **Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках: Исторические очерки** / отв. ред. Ю. М. Батурин; ред.-сост. Г. И. Смагина, Э. А. Тропп. — СПб. : Нестор-История, 2013. — 732 с.

Книга посвящена истории отдельных академических учреждений, деятельность которых до сих пор не изучена или изучена недостаточно подробно. Это такие «ученые учреждения», как «Комитет учета научных работников», «Водомерная комиссия», «Комиссия по научным экспедициям», «Полярная комиссия», «Монгольская комиссия», «Институт буддийской культуры» и др. В статьях раскрыты основные причины их создания, принципы организации, отражены главные формы и методы деятельности, показаны научные результаты. Особое внимание уделено сотрудничеству Академии наук с различными министерствами и ведомствами по научному изучению России. В центре внимания авторского коллектива — проблема поиска, создания и функционирования новых институциональных форм научной деятельности, возникновения и развития исследовательских коллективов в системе Академии наук на разных этапах ее истории. Исследование основано на обширном фактическом материале и архивных источниках, большинство из которых впервые вводится в научный оборот.

Для научных работников и широкого круга читателей, интересующихся историей отечественной науки и культуры.

Committees of the Russian Academy of Sciences in the 18th – 20th centuries. Historical essays / Ed. by Yu. M. Baturin; compiled and edited by G. I. Smagina, E. A. Tropp. — St. Petersburg, 2013. — 732 p.

The book is devoted to the history of a number of institutions of the Academy of Sciences that have not yet been subjected to a detailed examination. Among these 'learned institutions' are the Committee for Registering Academic Cadres, the Water-Measurement Commission, the Commission for Academic Expeditions, the Polar Commission, the Mongolian Commission, the Institute of Buddhist Culture and a few others. The essays examine the main causes of their establishment, the principles of their organization, the forms and methods of their work, as well as the contribution made by these institutions to the advancement of science and scholarship. Particular attention is given to the links between the Academy of Sciences, on one hand, and various governmental agencies, on the other, as their collaboration was instrumental for the exploration of Russia, its territory and natural resources. All authors, who contributed to the monograph, examined the emergence and functioning of new institutional forms of academic research, as well as the making and development of research teams within the Academy of Sciences at various stages of its history. The project is based on a broad range of factual data and archival sources; most of them have never been previously subjected to historical analysis.

The book is intended for an academic audience and a broad range of readers who are interested in the history of Russian science and culture.

Рецензенты:

д-р хим. наук, проф. *И. С. Дмитриев*,
канд. соц. наук *Н. А. Ащеулова*

ISBN 978-5-90598-618-5

© Коллектив авторов, 2013

© ИИЕТ, 2013

© Издательство «Нестор-История», оформление, 2013

Институт буддийской культуры АН СССР (1928–1930 гг.)

М. Н. Кожевникова

В конце 1920-х гг. в составе Академии наук СССР возник и существовал Институт буддийской культуры (ИНБУК). В ряду академических учреждений данное учреждение представляло некоторую «экзотику» уже по самому своему названию. Беря в расчет время, можно еще больше удивиться факту создания ИНБУК. Что вызвало его возникновение? Каково было его существование в то время в советской России? Каков был его конец? Именно этим вопросам посвящена данная статья.

На заседании 9 июня 1927 г. Комиссии СНК СССР по содействию работам Академии наук СССР, под председательством Н. П. Горбунова, был представлен доклад неперменного секретаря АН академика С. Ф. Ольденбурга об общем плане работ и сметных предположениях Академии наук на 1927/28 г. и, в связи с этим, об организации Института буддийской культуры в составе Академии наук. Одновременно с ИНБУК было предложено создать также Туркологический институт¹.

1927 г. — это время, можно сказать, «бабьего лета», проблеска тепла перед стужей решающего перелома в Академии 1929–1931 гг., время сравнительно мягкого взаимодействия, почти равноправных, равновесных взаимоотношений Академии наук с властью, следующих из идеала Ольденбурга: сотрудничества с советской властью при сохранении внутренней независимости Академии. (Об этом можно судить по характеру и тону обсуждения вопросов на заседаниях — например, после отклонения Совнаркомом ходатайства Академии наук об утверждении вице-президентом Академии наук академика А. Е. Ферсмана Президиум АН вернулся к тому же во второй попытке, теперь стараясь достичь своего избранием Ферсмана вторым вице-президентом на «очередном заседании АН, правомочном решать избирательные вопросы»², на основании недавнего проведения в Совнаркоме нового Устава Академии наук³ с параграфом о двух вице-президентах.) Также это было время надежд, — ученые полагали, что возможно строить долгосрочные программы и предпринимать великие начинания. В долгосрочные планы Академии наук 1927/28 гг. входил подъем гуманитарных наук. Академики утверждали, что «гуманитарные науки вследствие крайней сложности основного объекта их исследования — человека и неудовлетворительности многих подходов этих исследований до самого последнего времени чрезвычайно отстают»⁴ от точных наук. Как раз с планами Академии наук по гуманитарным наукам прямо связывалось создание ИНБУК, наряду с Туркологическим институтом.

Поводом, который представили в Совнарком ученые для обоснования необходимости создания ИНБУК и Туркологического института, было образование, в связи с минувшей войной, Комиссии по изучению племенного состава населения (КИПС) и начало ее работы над картами для азиатской и европейской частей Союза. С. Ф. Ольденбург, подписавший поданные в Совнарком «Планы работ Академии наук на 1927/28 по гуманитарным наукам», считал, что названные новые институты «должны стать орудиями новых методов изучения человека»⁵.

В обоснование возможности создания новых академических учреждений С. Ф. Ольденбург приводил человеческий фактор, он исходил из ценности личности ученого: в случае Туркологического института это были личности академика В. В. Бартольда, профессоров А. Н. Самойловича и С. Е. Малова, а в случае Института буддийской культуры — академика Ф. И. Щербатского и др. Буквально тезис в подтверждение необходимости и возможности создания ИНБУК звучал так: «Институт буддийской культуры возник из аналогичной потребности дать возможность тем силам, которые находятся в Ленинграде, и тому громадному материалу, который здесь понадобится, быть вовлеченным в лабораторную работу буддизма, это любопытнейшее культурное явление религии без бога. Буддизм захватил в свою культурную орбиту Индию, Китай, Индо-Китай, Индонезию, Корею, Японию, Монголию, Среднюю Азию и в течение долгого времени и нынешний Афганистан и части восточной Персии, повлияв немного в древнее время и на культуру Европы. Влияние это было чрезвычайно сильно, и без понимания его немыслимо понимание культуры Азии, так как буддизм глубоко влиял и на социальный строй страны, где распространялся. В Институте работа должна пойти, объединяя различные гуманитарные дисциплины, например, по линии специальных словарей по культурной терминологии языков санскритского, пали, тибетского, китайского, монгольского, японского. В работах должны принять участие академики Щербатской и Ольденбург и молодые буддисты⁶ Тубянский, Обермиллер и Востриков, при содействии работников Азиатского Музея Алексеева, Владимирцева, Шуцкого, Поппе. Как и Туркологический Институт, так и Институт буддийской культуры поведет работу в тесной увязке с бурято-монгольскими, калмыцкими и монгольскими учреждениями, где работают ученики ак. Ольденбурга и Щербатского на ответственных культурно-научных постах»⁷.

Помимо мягкого равновесия с властью и больших планов, в 1927 г. Академия исходила из расчета на гарантированное финансирование, хотя сами ученые и полагали поступившее финансирование недостаточным, поскольку не были получены дополнительные кредиты и, наоборот, производилось даже неоднократное сокращение бюджета. Тем не менее, академики надеялись, что в наступающем бюджетном году финансирование увеличится, и Академии наук представится возможность расширить свою работу. Таковы были внешние условия для учреждения ИНБУК.

Каковы были внутренние условия? Проект ИНБУК был предложен известным российским востоковедом, буддологом академиком Ф. И. Щербатским, совместно с индологом М. И. Тубянским и востоковедом, буддологом академиком С. Ф. Ольденбургом⁸. Научная судьба самого Федора Ипполитовича Щербатского сложилась так, что он двигался в своем многолетнем изучении буддизма

от академической европейской школы, опирающейся на письменное изучение санскритских текстов, — индийскую филологию изучал у Г. Бюллера в Вене, а индийскую философию у Г. Якоби в Бонне. Якоби же исследовал логику (*Die indische Logik*, 1901), открыв для современных исследователей-индологов целую новую область логических трактатов и диспутов древнеиндийских ученых разных школ, включая буддистов. Сам Щербатской, с университета занимавшийся изучением западной философии (и впоследствии еще слушавший лекции Б. Эрдмана по истории философии в 1902 и 1907 гг.), в отношении текстов Древней Индии особенно тяготел к философской сфере. В Петербургском университете доминировало кантианское направление, кафедру философии занимал главный русский кантианец, переводчик Канта А. И. Введенский, оказавший серьезное влияние не только в распространении идей Канта, но и в утверждении концепции логики как важнейшей части теории познания и в понимании теории познания как главного условия подлинной философии⁹. Уже в 1902 г. появились первые исследования Щербатского по логике (санскр.: Ньяя) и «теории правильного познания» буддистов («Логика в древней Индии», 1902). Сфера теории правильного познания (санскр.: Прамана), столь важная для методологии самой буддийской традиции, имела свои преимущества для западного исследователя: она была еще и сферой, общей для философских систем разных традиций и культур, здесь отсутствовал религиозный эзотеризм и присутствовала философия в чистом виде.

Помимо логики, внимание Щербатского привлекли ставшие известными на Западе к этому времени махаянские¹⁰ сутры, особенно сутры Праджняпарамиты («запредельной мудрости»), на основе которых в Древней Индии выстроил свою диалектику буддийский философ Нагарджуна. С началом изучения тибетского языка (примерно 1902–1903 гг.) Ф. И. Щербатской соприкоснулся и с живой буддийской традицией (точнее, тибето-монгольской системой монастырского образования), благодаря контакту с ламами через бурятского тибетолога Б. Барадийна. Судя по переписке и рукописям тех лет, на этом этапе в сферу его интересов вошли те индийские тексты, которые считались первостепенными по популярности в Тибете: Абхисама-аламкара Асанги-Майтреи (комментарий к сутрам «запредельной мудрости»), Бодхичарья-аватара Шантидевы и др. Также, имея вкус к изучению истории мысли (исторический подход, почерпнутый от Якоби), из тибетской литературы Щербатской определил в свои планы изучения популярную в монастырской среде работу тибетского ученого Будона Ринпоче по истории буддизма. Начиная с этого времени, Федор Ипполитович стремился к изучению буддийской философии в системе индо-тибето-монгольской традиции, ведь здесь открывались перспективы задавать вопросы не прошлым векам, но живым ученым, получать ответы и указания на тексты толкований по интересующим темам.

Из Агинского дацана, при посредничестве бурятских ученых Барадийна и Цыбикова, Щербатской получил тексты на тибетском языке по ньяя и прамана — Дхармакирти «Ньяябинду» («Буддийский учебник логики»), «Праманавартику» («Ясное объяснение теории правильного познания») и др., а также тибетские тексты истории Будона и жизнеописания (намтара) Будона. В 1904 г. стараниями Барадийна¹¹ Щербатскому удалось пригласить из Аги в Петербург для изучения буддийских

текстов бурятского ламы Зурбайна¹². Затем сам Щербатской посетил Монголию, Ургу (1905 г.), где встречался с Далай-ламой, и также побывал в буддийских монастырях Забайкалья. На протяжении долгих лет Щербатской не оставлял мечты о переводе и исследовании главного текста по буддийской теории правильного познания — «Праманавартики» Дхармакирти, но этот текст отсутствовал в санскритском оригинале, требовалось опираться на тибетский перевод. В последующие годы Щербатской, судя по переписке с Барадийном, продолжал стремиться к сотрудничеству с бурятскими ламами, но в течение ряда лет такие возможности не предоставлялись. Ученый подступался к тексту Праманавартики с разных сторон — прояснял его структуру, исходя из текста «Праманасамучая» Дхармакирти, отыскивал цитаты из него, содержащиеся в санскритских работах других авторов Древней Индии (прежде всего, «Таркаджвала» Вачиспатимишры). Однако сам тибетский текст был непосилен — требовал не только лучшего знания тибетского языка, но и комментариев со стороны традиционной буддийской учености.

Затем наступили смутные времена мировой войны, октябрьского переворота, Гражданской войны. Но Щербатской возвращался в своих мыслях к возможным контактам с буддийскими учеными ламами — в 1917 г., а затем в 1924 г. он посетил Забайкалье, где был принят бурятскими буддологами Барадийном, Цыбиковым. Он побывал в монастырях, завязал отношения с Ацагатским дацаном — родным монастырем ламы Агвана Доржиева, выдающегося буддийского деятеля, дружившего и сотрудничавшего с российскими буддологами.

Наконец, с началом восстановления экономики в стране, с утверждением позиций в новом государстве коллеги-буддолога С. Ф. Ольденбурга и после возвышения Академии наук, в связи с торжественным празднованием 200-летия Академии, ученому показалось, что настало время для воплощения в жизнь давних замыслов. Тогда Щербатской выступил с предложением проекта ИНБУК.

Следует отметить, что этому времени академик Ф. И. Щербатской в результате своей активной научной, педагогической и научно-организационной деятельности собрал вокруг себя группу учеников и сотрудников-востоковедов, которая стала известна в истории востоковедения как «буддологическая школа Ф. И. Щербатского». Именно на ее основе сделалось возможным в содержательном плане возникновение Института. Из этой группы выбыл только О. О. Розенберг (1888–1919), преждевременно ушедший из жизни из-за тягот послереволюционного времени. Остальные составили штат будущих сотрудников ИНБУК: тибетолог А. И. Востриков стал ученым секретарем по секции Тибета, тибетолог Е. Е. Обермиллер получил должность «ученого секретаря секции Монголии», синолог Б. А. Васильев занял место ученого секретаря по секции Китая и Японии, тибетолог Б. В. Семичов принял на себя обязанности ученого секретаря по секции Индии. Индолог-тибетолог М. И. Тубянский, один из идеологов создания Института, представлявший неотъемлемое связующее звено ИНБУК с Монголией, при возникновении Института формально в штат не вошел, поскольку находился уже в Монголии в командировке и со временем занял там должность ученого секретаря Монгольского Ученого комитета. Еще в штат входили: научный сотрудник II разряда — Д. Мункуев, а затем Ц. Ж. Жамцарано; технический сотрудник — Л. Санчиков, затем Е. Н. Козеровская; служащий — А. Ф. Елоина; временный консультант — профессор Д. Косамби (Индия)¹³. (Б. Б. Барадийн, много помогавший

Щербатскому и его сотрудникам и связанный с деятельностью ИНБУК, не имел статуса сотрудника, но вопрос его статуса в ИНБУК обсуждался.)¹⁴

В научном плане деятельность сотрудников Щербатского после формального образования ИНБУК начала разворачиваться в тех же направлениях и по тем же программам, что были заданы до его создания. Это были программы, определенные сложившимися интеллектуальными интересами и научным опытом самого академика Щербатского. Теперь же над этими программами начали работать ученики Щербатского, прежде всего Востриков, Обермиллер и Тубьянский, которых он в Университете сам обучил санскриту, тибетскому, работе с древними текстами и основам буддологии. Эти ученики, наконец, сделались способными приступить к переводу буддийских текстов с тибетского.

Поскольку внутренние условия проекта ИНБУК созрели раньше, не удивительно, что к тому времени, когда в Совнаркоме еще только шло обсуждение проекта ИНБУК, Щербатской со своими учениками уже активно работали по проекту. Так с самого первого этапа создания Института стали различаться два плана существования ИНБУК — официальный (как учреждение) и содержательный (как научный проект). В официальной действительности ИНБУК начал существование только с 1928 г., когда СНК утвердил Институт по изучению буддийской культуры в составе академических учреждений (Постановлением СНК СССР от 13 марта 1928 г. «О составе научных учреждений Академии Наук СССР»). Тогда же было заявлено «о желательности принять меры к началу организационных работ Института. По обсуждению доклада постановили просить Ф. И. Щербатского взять на себя временно исполнение обязанностей Директора Института», о чем академик Ф. И. Щербатской доложил на VII заседании Отделения гуманитарных наук Академии наук СССР 4 апреля 1928 г.¹⁵ Но в интеллектуальной действительности к июню 1927 г., в то время как в Комиссии Совнаркома по содействию работам АН еще обсуждалась организация ИНБУК, шли полным ходом уже не только организационные работы, но и содержательные работы Института.

Щербатской начал направлять своих сотрудников к бурятским монахам-ученым для работы с их помощью над интересующими Щербатского текстами и проблемами. А. И. Востриков работал в Агинском дацане, М. И. Тубьянский отправился в Монголию, в монастырь Гандан в Урге. Е. Е. Обермиллера Щербатской послал работать в Ацагатский дацан годом позже. При чисто буддологической программе их исследований, официально, для оформлявшей их поездки академической Комиссии экспедиционных исследований, занятия Вострикова в Аге обозначались как «Археографо-этнографические экспедиции в Бурято-Монгольскую АССР для исследования дацанов», а пребывание Обермиллера в Ацагате — как «научная поездка в БМ АССР для собирания терминологических, исторических и медицинских материалов».

Следуя С. Ф. Ольденбургу в его политическом оптимизме, академик Ф. И. Щербатской своей деятельностью надеялся «вписать» любимый им буддизм и свой интерес к буддизму в современную советскую жизнь. Еще в 1919 г. в тексте лекции по поводу Первой буддийской выставки в Петрограде¹⁶ он обосновывал, что буддизм неправильно было бы рассматривать как обычную религию, ведь это религия, «которая воплощает в себе высочайшие идеалы добра, любви к ближнему, духовной

свободы и нравственного совершенства, — которая облагородила и, вместе, внесла цивилизацию в жизнь народов Азии, — эта религия, тем не менее, не знает ни Бога, ни бессмертия души»¹⁷. Такая формулировка Щербатского буддизма как «религии без бога», введенная им уже в начале своей буддологической деятельности, со времен доклада «Об одном философском трактате Нагарджуны»¹⁸ (1903 г.), впоследствии последовательно использовалась и им самим, и Ольденбургом, и другими востоковедами в советские времена, когда началось движение «воинствующих безбожников». Щербатской утверждал, что в буддизме, помимо веры в возможность совершенствования и свободы, «все остальное построено на наблюдении фактов и свободных логических доказательствах, оно допускает и приглашает свободную критику и не боится ее»¹⁹. Поэтому Щербатской предлагал считать буддизм «философским учением», которое «обнаруживает замечательную близость как раз к самым последним, самым новейшим достижениям в области нашего научного мирозерцания»²⁰. Агван Доржиев, со своей стороны, защищал буддизм от разрушения в эпоху агрессивной антирелигиозной государственной политики, опираясь на эти позиции ученых.

Экспедиции ИНБУК направлялись преимущественно в буддийские монастыри Забайкалья. Значение монастырей Забайкалья для российского востоковедения, буддологии сотрудник Щербатского М. И. Тубянский так описывал в своем письме С. Ф. Ольденбургу, ссылаясь на известного собирателя буддийских коллекций Ухтомского: «Кн. Э. Ухтомский считал именно Забайкалье “ключом” к буддийскому миру — его сравнительная доступность тоже достаточно известна»²¹. И сам Тубянский стремился к исследованиям истории буддийской мысли именно в Бурятии, поскольку там, как он писал, место было «наиболее приспособлено», и там было обеспечено «надлежащее руководство» ламой Доржиевым.

О том, в какую ситуацию попадали сотрудники ИНБУК, приезжая в Забайкалье, можно судить по свидетельствам, данным Андреем Ивановичем Востриковым в первых же письмах к Щербатскому из Агинского дацана: «Здесь я устроился очень хорошо. Комнату мне дали в большом доме Ширетуя-ламы²² — комнату очень большую, в пять окон, светлую и чистую. <...> Мое такое впечатление, что здесь кладезь тибетской премудрости, и я очень рад, что попал сюда и страшно благодарен Вам за то, что Вы дали мне возможность сюда поехать» (из письма от 20 июня 1927 г.); «Жить мне здесь почти ничего не стоит, потому что Ширетуй отказывается брать с меня деньги, и я покупаю здесь только кумыс да книги. Никак не придумаю только, что бы мне подарить Ширетуя-ламе в благодарность за его любезность и гостеприимство» (из письма от 27 июля 1927 г.)²³.

В этих экспедициях главной проблемой при попадании в бурятские монастыри для учеников Щербатского, изучавших в университете классические письменные языки санскрит и тибетский, была необходимость изучать дополнительно бурятский (монгольский) разговорный язык в ущерб своей работе над буддийскими текстами. Тем не менее, молодые ученые справлялись с этой проблемой и, используя помощь бурятских лам, продвигались в своих плановых исследованиях. Востриков для целей научной работы исследовал состав библиотеки бурятского монастыря, отыскивал нужные тексты (впоследствии из этой работы появился его труд «Тибетская историческая литература»). Кроме того, он писал Щербат-

скому: «Был в здешней типографии и заказал для Вас и для себя Да-йиг²⁴. Несколько дней назад я начал работу над Pramanavartika ... с грехом пополам читаю gnam 'grel²⁵ с тибетскими комментариями». Также он пытался решить сложную задачу «добычи санскритского gnam 'grel» (Праманавартики) через лам и, судя по письмам, выяснил «две возможности: либо через Доржиева воздействовать на Далай-ламу, чтобы тот распорядился выдать нам самую рукопись, которая, как уверяют монахи, есть и в Радэне, и в Самье, либо ехать в Тибет»²⁶.

С началом официального существования ИНБУК возникла возможность финансирования проектов школы Щербатского, включая проект добычи классических буддийских текстов. Так, на заседании Совнаркома в 1928 г. обсуждался вопрос об отпуске средств на приобретение монгольского Данжура (т. е. буддийского Канона, раздела трактатов, комментариев). Здесь интересна параллель с историей российского буддолога В. П. Васильева (1818–1900), который 80 лет назад, в 1840-е гг. в Пекине хлопотал о предоставлении экземпляра буддийского Канона (Ганчжура и Данчжура — Слова Будды и комментариев) в распоряжение Русской духовной миссии, к которой он был прикомандирован²⁷, и только после четырех лет стараний получил желанные тибетские книги (больше 300 томов)²⁸. Советские буддологи в лице академика С. Ф. Ольденбурга и чл.-корр. АН В. Я. Владимирцева теперь, в связи с научным проектом, оформившимся под наименованием ИНБУК, перед лицом Совнаркома настойчиво обосновывали необходимость приобретения монгольского «Данжура» как «исключительно ценного вклада в научную сокровищницу». В результате рассмотрения этого запроса Совнарком принял решение адресовать ученых в Наркомфин, с тем чтобы изыскать возможности приобретения Данжура не за счет валюты, а за счет «неликвидных ценностей Госхрана²⁹, которые могут представить интерес для монгольских монахов». На том же заседании обсуждалось и финансирование работ ИНБУК в целом: было запрошено 2000 руб., постановлено выделить 1000 руб.³⁰

Научные планы ИНБУК, с которыми отправлялись в свои экспедиции молодые ученые, включали историю философии, Ньяя, Праману, Праджняпарамиту: Праманавартику Дхармакирти и связанные с ней тексты — в случае Вострикова³¹; в случае Обермиллера — текст Праджняпарамита-пиндартхи³², краткого комментария Дигнаги на сутры Праджняпарамиты, и работы по истории буддийских школ: «Историю буддизма» Будона и «Таркаджвала» (Пламя дискуссии) Бхавьявивеки³³; в случае Тубьянского — Сидданты (тиб.: grub btha') Джамьяна Шадбы, т. е. историю философских воззрений (как продолжение работы, начатой российским буддологом В. П. Васильевым)³⁴.

Востриков, сверх Праманавартики, стремился изучать еще другие фундаментальные тексты по теории правильного познания: базовый текст самого Дигнаги «Праманасамуччая», на который и был написан комментарий — Праманавартика, сохранившийся на тибетском языке. Востриков заказал переписку этого текста сразу для себя и Федора Ипполитовича. Также он изучал Прамана-винишчаю — другой логический текст Дхармакирти, представляющий сокращенное, сравнительно с Праманавартикой, изложение идей Дхармакирти. По поводу этих текстов шло постоянное обсуждение с Щербатским, который в своих исследованиях шел от санскритского текста Вачаспатимишры, автора школы Санкхья (IX–X вв.),

обильно приводившего цитаты из буддийских текстов по Прамане. Обермиллер, в связи с текстом Будона, работал также и над переводом намтара (агиографии) Будона.

В 1928–1930 гг. Щербатской трудился над переработкой своего базового труда по буддийским учениям по логике и теории познания в итоговое издание «Buddhist Logic», и этим, во многом, объяснялась программа ИНБУК — прежде всего, тема литературы Праманавартики и, для проведения сравнительного историко-философского анализа, — тема истории буддийских философских школ. Научные планы исследований в ИНБУК определял Ф.И. Щербатской. Однако, как делается понятным по переписке ученых, реальные исследования окончательно определяли их буддийские учителя.

Учителем Обермиллера в Ацагате первоначально был ученый лама Чойдаг Данжинов из Кижингинского дацана, рекомендованный Хамбо Доржиевым, а затем в 1929 г. — ширетуй дацана Лхарамба Дондуб Будаев³⁵. Учителем Вострикова в Агинском был Галдан Габжи Жамцарано, о котором Востриков писал Щербатскому: «Он здесь считается большим знатоком, хотя говорят, есть и еще бакши³⁶, но у него есть то преимущество, что он, кажется, чуть ли не единственный в дацане до сих пор читает литературу по tshad ma»³⁷ (из письма от 27 июля 1927 г.). Тубянский в письмах упоминал лам Чагдора и Заву Дандина, но говорил, что для него у Чойнзин-цорчже и у Зава Дандина «их ученики закрывали ворота двора и становились у них на стражу», настолько была велика «трудность проникновения в ламскую среду»³⁸ (из письма от 29 сентября 1926 г.). Поэтому по переписке нельзя установить точные имена тех лам, у которых учился Тубянский.

Но те ламы, на которых возлагалась надежда и ответственность за курирование воплощения исследовательских планов Ф.И. Щербатского в жизнь, имели свое, зачастую совершенно иное, представление о месте искомых текстов в контексте индо-тибетской философской литературы. Для них авторитетные тексты составляли неотъемлемую часть плотно сотканной ткани всей традиции буддийского индо-тибетского образования и относились к определенному уровню, тому или иному курсу и изучались с опорой на те или иные тексты. Поэтому в ответ на запрос, поступающий от западной буддологии, они предлагали ученикам академика Щербатского, хотя бы в сокращенном варианте, опробованную систему образования, подводящую к тем уровням, на которых требуемые тексты в образовательной иерархии должны были находиться, а также методологически проработанные комментарии к этим текстам.

Так, Обермиллер писал Щербатскому: «Когда приехал мой драгоценнейший Чойдаг, он мне сразу сказал, что считает невозможным сразу же приступить к чтению такого текста, как Pindartha³⁹ Дигнаги. По его мнению, нужно пройти систематический курс Парчина, как его преподают в дацанах. Помня Ваши слова, что такой курс был бы весьма и весьма желателен, я, конечно, с радостью согласился. Программу Чойдаг первоначально наметил следующую: 1) Дуйра (bsdus-grwa) лабранского Агван-Дашия (ученика Джамьян Шадбы), 2) Ло-Риг, 3) Даг-Риг (rtags-rigs)⁴⁰, 4) Са-лам лабранского Джигмед-Вангбо (jig-med-dbang-po) и, наконец только, Pindartha» (из письма от 10 августа 1928 г.).

Согласно этой программе, Обермиллер в Ацагате исписал две толстые общие тетради конспектами определений понятий по Дуйра и переводом текста Лорига

(неопубликованный перевод на английский язык под названием «The Categories of Knowledge» находится в Архиве востоковедов СПб ИВР РАН. Ф. 100. Оп. 1. № 16). В дальнейшем выписки из обермиллеровского перевода вошли в работу Ф. И. Щербатского по буддийской логике. В итоге, Обермиллер внес коррекцию в планы относительно намеченного текста Пиндартхи Дигнаги в пользу предложенных его ламой традиционных образовательных текстов. Он писал Щербатскому: «Вы говорили, что одной из ближайших моих задач должна быть подготовка статьи (предварительной) по Парчину (Праджняпарамита. — М. К.). В связи с этим я думаю: было бы очень хорошо одновременно издать перевод Салама⁴¹ и его тибетский текст, тем более что он не длинный» (из письма от 10 июля 1928 г.).

Востриков, начав работу с ламами над Праманавартикой в Агинском дацане, пришел к аналогичному решению и сообщил Щербатскому: «Я все больше чувствую, что мне необходимо здесь последовать примеру лам и просто на-просто вызубрить наизусть *bsdus grwa* (Дуйра. — М. К.), *rtags rigs* (Даг-Риг. — М. К.) и *blo rigs* (Ло-Риг. — М. К.) и потом со здешними монахами хувараками устроить нечто наподобие *chos rgwa*⁴². Иначе работа над *gnam 'grel* (Праманавартика. — М. К.) будет зачастую сводиться к тому, что лама будет выписывать на бумажку по-тибетски те же самые определения, которые находятся в *rtags rigs* (Даг-Риг. — М. К.) — ничуть не больше» (из письма от 27 июля 1927 г.). В следующем году он писал, что занимается еще и по *bsdus grwa* (Дуйра. — М. К.), поскольку «чем дальше, тем больше становится это необходимым для бесед с ламами», и предполагал, что «из этой работы может выйти статья, если не целая книга, и причем по вопросу новому и, в сущности, очень важному для чтения и проникновения в самую суть и строй тибетской комментаторской оригинальной литературы» (из письма от 21 июля 1928 г.).

В случае Обермиллера планы по работе над «Праджняпарамита-пиндартхой» Дигнаги и статьей по Праджняпарамите расширились не только в направлении изучения рекомендованных ему бурятскими учителями Салама («ступеней и путей») и сочинения Дондунчу (тиб.: «Семьдесят пунктов») — курса, который требуется в дацанах для изучения Праджняпарамиты, т. е. сводки по Абхисамаяаламкаре, представляющей, со своей стороны, обзор материала, содержащегося в сутрах Праджняпарамиты. Судя по письму Обермиллера от 10 июля 1928 г., после того, как он прошел программу, предложенную ламой Чойдагом, и «настал момент приступить к *Pindartha*», возникли новые препятствия в понимании классического текста, и бурятский лама вместе с питерским буддологом «решили заполнить пробел тем, что взяли читать часть текста *gser-phreng* Дзонхавы», т. е. работы *Legs bshad gser ru'i phreng ba* — «Золотые четки» Цонкапы⁴³, являющейся лучшим из тибетских толкований на Абхисамаяаламкару.

Изучение трактатов Цонкапы не входило в намеченную из Петербурга программу. В итоге, сам перевод Пиндартхи, составлявший первоначальную задачу, сделан не был. Зато перевод Дондунчу и материал прослушанных Обермиллером у ламы Чойдага курсов и исследованных комментариев составили его книгу «The doctrine of Prajñā-paramita as exposed in the Abhisamayalamkara of Maitreya. Исследование с примечанием и шестью указателями»⁴⁴. Исследования учений Праджняпарамиты по Абхисамаяаламкаре принесли его имени мировую известность

в тибетологии, буддологии. Также он осуществил перевод на английский и немецкий языки сложнейшего философского трактата — «Золотых четок» Цонкапы и другого известного сочинения Цзонхавы *Leg-bshad-snying-po* («Суть прекрасных объяснений») — исследования о диалектических системах в буддийской философии. Этот пионерский перевод главных трактатов Цонкапы, сделанный Обермиллером на 50 лет раньше, чем это произошло в итоге в США, добавил бы еще очень многое к его международной научной известности, но переводы остались неопубликованными.

М. И. Тубянский (стоявший у начала проекта ИНБУК), который работал в Улан-Баторе под эгидой Монгольской комиссии АН СССР, но составлял важное звено исследовательской группы Ф. И. Щербатского, в ряду главных работ (как можно судить по оставленным его собственным письменным свидетельствам) подготовил перевод наиболее авторитетного сочинения тибетской школы Гелуг — «Ламрим» («Этапы пути к Пробуждению») Цонкапы, комментарии и словарный указатель к нему, а также перевод исторического сочинения Сумбахамбо по хронологии буддизма в Индии, Тибете и Монголии⁴⁵.

Такова была содержательная жизнь ИНБУК⁴⁶. А формальная жизнь Института буддийской культуры может быть описана в основном как бюрократическое функционирование советского учреждения — череда бесконечных проверок и требований отчетности. Можно взять для примера январь–март 1930 г.⁴⁷ В этот период проходила проверка служащих АН на предмет наличия на руках огнестрельного оружия и боевых припасов к нему, и 2 января поступило требование «собрать сведения по прилагаемой форме». Затем, 10, 11 и 12 января производилось ознакомление заведующего учеными и учебными учреждениями при ЦИК СССР А. В. Луначарского и его заместителя и секретаря, совместно с Президиумом АН, с учреждениями АН. Потребовались «разъяснения по учреждению ИНБУК». 21 февраля был получен циркуляр: представить инструкцию по учреждению ИНБУК — «перечень задач учреждения и работ, им обычно выполняемых в служебное время». 3 марта состоялось общее Собрание академиков и всех работников Академии для подписания договора по социалистическому соревнованию Украинской и Белорусской Академий наук. 17 марта поступило требование раздать под расписку договор о соревновании между учреждениями и лист с распиской возвратить в Секретариат АН. 21 марта от Управления делами АН был спущен циркуляр: ввести единый производственный табель-календарь, согласно постановлению Правительственной Комиссии при СТО об упорядочении работы предприятий. 29 апреля прислан циркуляр: ежедневно подавать в Управление делами (УД) АН сведения о неявившихся в предыдущий день на работу сотрудниках.

На фоне бюрократии заметный контраст составляли содержательные документы, отражавшие собственные интересы Института, например, докладная записка по поводу планов на 5-летие 1930–1934 гг., упоминающая в качестве специальной задачи ИНБУК «изучение Абхидхармы (литературы по космологии и онтологии)» и предлагающая «организовать в 1934 г. Всесоюзный съезд ученых по вопросам буддийской культуры», или ходатайство в Комиссию экспедиционных исследований (КЭИ) о предоставлении командировки Е. Е. Обермиллера в Бурят-Монголию с выдачей необходимых при сем денежных средств.

Впрочем, по последнему ходатайству был получен ответ на имя руководителя Бурят-Монгольской экспедиции Щербатского: «на основании циркуляра УД Академии наук СССР от 27/1 — 30 г. № 103 КЭИ, заявки по личному составу экспедиции рассматриваться Президиумом КЭИ не будут без предоставления требуемых анкетой сведений» и, кроме того, по ним требуются «жизнеописания с указанием общественного опыта». Экспедиции же занимали важнейшее место в жизни Института. Только за годы официального существования ИНБУК (т. е. с 1 октября 1928 г. по 1 октября 1930 г., без учета лета 1927 и лета 1928 гг.) состоялись научные командировки академика Щербатского, Вострикова, Обермиллера в 1929 г. в Бурят-Монгольскую АССР (что значит — в бурятские буддийские монастыри) и снова туда же Вострикова, Обермиллера в 1930 г.

Внутренняя, содержательная жизнь Института продолжала интенсивно развиваться, но внешние условия катастрофически менялись. Закончился период мягкого равновесия в отношениях Академии с властями. 1929 г. стал последним годом пребывания на посту постоянного секретаря для С. Ф. Ольденбурга⁴⁸. К этому времени начались аресты сотрудников Академии наук. Академика Щербатского как бывшего земского начальника в апреле 1929 г. Секция научных работников лишила избирательного права и хлебной карточки. По заступничеству Ольденбурга удалось отменить эти решения. Летом 1929 г., во время заграничной командировки С. Ф. Ольденбурга, началась проверка аппарата Академии наук (всех сотрудников учреждений Академии наук, за исключением академиков) комиссией под руководством Ю. П. Фигатнера, члена коллегии наркомата РКИ. По критериям социального происхождения, дореволюционной деятельности и идеологической пригодности были уволены десятки и сотни сотрудников.

В августе С. Ф. Ольденбург под предлогом возраста подал в Президиум Академии наук заявление об отставке с поста постоянного секретаря, соглашаясь исполнять свои обязанности до конца года. 19 октября 1929 г. в Ленинград снова приехал Фигатнер и заявил об «обнаружении» незаконно хранящихся политически важных документов — подлинника отречения Николая II, архивов Департамента полиции, архивов политических партий и т. д. (о которых, в действительности, власти всегда знали) в Рукописном отделении БАН, Пушкинском Доме и Археографической комиссии Академии наук. 30 октября произошла отставка С. Ф. Ольденбурга из постоянных секретарей. За этим последовали обязательные тогда акции остракизма в разных кругах академической среды. Так, 12 декабря 1929 г. Президиум ЦИК Бурят-Монгольской АССР постановил отвести академика Ольденбурга из состава членов Научного общества им. Банзарова, а также и из состава почетных членов гос. Института культуры Буреспублики «в связи с раскрытыми вредительскими действиями его в Академии наук», а затем 6 января 1930 г. дирекция Института культуры (под председательством Б. Барадина) постановила в «всецело присоединиться к решению Бур ЦИК'а»⁴⁹.

В 1930 г. в основном была завершена перестройка Академии наук в сторону советизации. И для ИНБУК 1930 г. стал последним годом существования. Институт прекратил свою деятельность с 1 октября 1930 г. в связи с организацией Института востоковедения, который стал уже академическим учреждением новой формации.

Подготовка ученых в востоковедной сфере всегда была многолетним, сложным, «штучным» процессом, и соответственно круг ученых-востоковедов был

своего рода академической элитой. К 1930-м гг. эта ситуация начала изменяться, — в преодоление такой элитарности был создан целый ряд академических востоковедческих институций. Теперь действовали созданные с 1920 г. Институт востоковедения им. Нариманова в Москве и Восточный институт при ЦИК СССР в Ленинграде, а, кроме того, Институт народов Советского Востока и Научная ассоциация востоковедения при Коммунистической Академии ЦИК СССР (иначе — научная Ассоциация марксистов-востоковедов). Согласно данным Президиума ЦИК СССР, полученным от директоров московского Института востоковедения им. Нариманова и ленинградского Восточного института, за первые 16 лет своего существования эти институты подготовили свыше 1000 советских востоковедов⁵⁰. В дальнейшем же, по решению Президиума ЦИК Союза ССР, и эти советизированные институты потребовалось преобразовать в более массовые «институты, готовящие знающих страну и язык работников для НКВнешторга, НКИД, НКО, НКВД и др. организаций и учреждений», для чего им теперь требовалось давать востоковедческое образование за два с половиной года вместо прежних четырех (а к поступлению в эти институты должны были допускаться лишь лица, уже получившие высшее образование и имеющие не менее пяти лет партийного стажа).

Новый Институт востоковедения (ИВ), как можно судить по документам Пленума Ученого комитета ЦИК СССР (17 марта — 20 июня 1931 г.), должен был поставить « всю работу на новые пути в соответствии с задачами социалистического строительства », для чего требовалась « тесная увязка работ ИВ с рядом научных учреждений, как внутри АН, так и вне ее »⁵¹. При разработке плана ИВ осенью 1930 г. было созвано совещание представителей востоковедных и родственных учреждений Ленинграда и Москвы для обсуждения плана (что означает — всех описанных выше). Описанные задачи директор Института востоковедения АН СССР академик С. Ф. Ольденбург прокомментировал прямо, сказав, что « в отличие от прежних установок новое советское востоковедение, представленное в ИВ, обращает главное внимание на изучение экономики, истории, литературы и языков советского и зарубежного Востока, при том особенно в новейшее и настоящее время. <...> Новая установка включает в себе введение марксистской методологии, для чего, с одной стороны, введены в состав ИВ новые научные сотрудники с марксистско-ленинской подготовкой, с другой — поставлены занятия диалектикой и литературоведением. На методологию обращено особое внимание ». Для осуществления декларированных в ИВ АН новых подходов требовалось решить вопрос кадров по трем направлениям: « увеличение и улучшение качества аспирантуры, набор молодых научных работников из числа оканчивающих востоковедческие вузы, и переключение и перевооружение части старых кадров »⁵².

В состав сотрудников Института востоковедения из бывшего ИНБУК перешли: Ф. И. Щербатской как руководитель Индо-тибетского кабинета, А. И. Восстриков как ученый хранитель, Б. А. Васильев как научный сотрудник I разряда, Б. А. Семичов как научный сотрудник II разряда, Е. Н. Козеровская как научно-технический сотрудник. Позднее в состав ИВ вошли и Ц. Ж. Жамцарано, М. И. Тубянский.

То, что упоминалось в докладе Ольденбурга как необходимая « тесная увязка с рядом научных учреждений », подробнее описывается в другом документе того времени, за подписью А. Луначарского, — Резолюции Ученого комитета

при ЦИК СССР: было установлено, что в Институте востоковедения существовал «разрыв между теорией и практикой» и работа по современным вопросам шла «на холостом ходу» по причине того, что ИВ определил свой круг научных проблем самостоятельно, «без учета потребностей конкретной работы соответствующих партийных и советских организаций и без какого-либо согласования плана работы с этими организациями», с Восточной секцией ЛОКА (Ленинградским отделением Комакадемии)⁵³. Именно Комакадемии в лице Восточной секции была предопределена функция планирующего органа научно-исследовательской работы востоковедных учреждений, и через нее должны были проходить все задания партийных организаций и советских учреждений. Также именно ЛОКА было ответственно за организацию деятельности Общества воинствующих материалистов-диалектиков, в круг интересов которых попадали буддология и буддизм⁵⁴. Таким образом, судьба и научная деятельность бывших сотрудников ИНБУК теперь определялась новыми установками советского востоковедения в ИВ АН и контролем ЛОКА.

А что произошло с научными планами ИНБУК? Исследовательские планы ИНБУК, как они формировались еще при организации Института (если судить по запискам М.И. Тубянского 1927 г.), соединяемые с издательскими планами серии «*Bibliotheca Buddhica*», включали тексты *Abhidharmakosha*, *Nyaaya-Pravasha* («Введение в логику», текст Канады; Тубянский в его записках отметил эту работу как свою), *Nyaayabindu* в двух выпусках (работа Дхармакирти по логике, с комментарием Дхармоттары, записано за Обермиллером и Щербатским), *Yashomitra* (т. е. работа Яшомитры по Абхидхармакоше, отмечено: Тубянский), *Tattvasamgraha* (сочинение по логике Шантиракшиты, отмечено: Востриков), *Prasannapada* («Ясное объяснение», комментарий Чандракирти к работе Нагарджуны по Праджняпарамите, отмечено: Востриков), *Shikshaasamuccaya* («Сводка практик», текст Атиши по махаянским обетам, отмечено: Обермиллер), *Abhisaayalamkara* («Украшение из прямых постижений», текст Майтреи-Асанги), Будон (тибетский историк буддизма), Шаташастра (китайский перевод текста Арьядевы; Тубянский планировал перевод с китайского В. П. Васильева, в своей редакции), Юе-цзан (китайский философ), *Buddhapalita* (индийский философ), Калачакра (санскр.: «Круг времени» — тантрический текст), Джамьян (по-видимому, тибетский автор Джамьян Шэпа)⁵⁵. Из всех этих планов в издание «*Bibliotheca Buddhica*» вошли подготовленные группой ученых ИНБУК публикации оригинальных текстов Абхидхармакоши, Ньяябинду, комментарий Яшомитры по Абхидхармакоше и перевод с исследованием Абхисамайламкары Обермиллера. В других изданиях вышла история Будона, подготовленная Обермиллером.

Все остальное осталось неосуществленными планами. Можно вспомнить, что в последний год своего существования ИНБУК планировал (в плане на пятилетие 1930–1934 гг.) как особо важные задачи исследование литературы по космологии и онтологии Абхидхармакоши и организацию Всесоюзного съезда ученых по вопросам буддийской культуры в 1934 г.⁵⁶ В составе Института востоковедения ученые стремились продолжить работы, начатые и делаемые в ИНБУК: Щербатской продолжал работу над буддийской логикой, а, кроме того, смог завершить работу над основным философским трактатом школы йогачара *Madhyanta-vibhanga*.

Востриков переработал свои материалы, полученные в монастырях Забайкалья, в обзор по исторической тибетской литературе, продолжил работу по логике и добавил к этому темы по тибетскому языку, театру, истории Бурятии. Кроме того, он участвовал в «бригаде по переводу с санскрита на русский язык политико-экономического трактата Arthashastra». Новый сотрудник Индо-тибетского кабинета М. С. Троицкий работал над диссертацией на степень кандидата наук на тему «Материализм в древней Индии». В дальнейшем, во второй половине 1930-х гг., Щербатской определял в темы исследований на будущее для себя и Вострикова индийский реализм, для Троицкого — индийский материализм, а для Тубянского, вернувшегося из Монголии, — историю бенгальской литературы⁵⁷. Индивидуальный научный план китаиста Б. А. Васильева в ИВ включал исследования по современной китайской литературе, конкретно — изучение дунганских советских песен⁵⁸.

Планируемого Щербатским Всесоюзного съезда ученых по вопросам буддийской культуры в новых исторических условиях не последовало — вместо этого последовало разрушение буддийской культуры. Как описывал Щербатской, это были «возмутительные факты использования тибетских рукописей и ксилографов, поступивших в органы милиции, для оклейки зимних рам в районных учреждениях и для уборных. Рукописи и ксилографы, которые состоят ... из отдельных несброшюрованных листков, сохраняемых в шелковых и матерчатых платках, поступали в органы милиции, систематически выбрасывались из своих оберток и шли на свалку или сжигались, т. к. местные работники были заинтересованы не рукописями, а их обертками, поступавшими в аукционную продажу»⁵⁹. Против такого уничтожения и расхищения ценностей буддийской культуры Щербатской безуспешно пытался бороться. В академической же сфере Щербатской терпел поражение в конкуренции с новоиндийским направлением (в лице А. П. Баранникова) и для защиты остатков своей буддологической школы пробовал даже писать письмо вождю народов, взывая: «Положение, ныне создавшееся в области востоковедения <...> настолько тревожно, что мы решили прибегнуть к Вашему содействию для его исправления». Он пытался обосновать необходимость санскритологии международным научным престижем: «Индология в такой стране, как Германия, не имеющей, казалось бы, непосредственных интересов в Индии, <...> исследуется 22 кафедрами, в то время как мы имеем всего 2, ограничивающихся изучением новоиндийских языков, но чурящихся санскрита и всех научных проблем, связанных с этой частью Востока»⁶⁰. Но судьба буддологии была уже предрешена.

В 1937 г. бывшие члены ИНБУК, ныне сотрудники ИВ АН Андрей Иванович Востриков, Михаил Израильевич Тубянский, Борис Александрович Васильев, Цыбен Жамцаранович Жамцарано и Бадзар Барадиевич Барадийн, работавший в то время в Ленинградском институте языка, истории и литературы, были арестованы НКВД в составе большой группы ленинградских востоковедов по сфальсифицированному обвинению и все, за исключением Жамцарано, расстреляны осенью того же года по приговору Военной коллегии Верховного суда в Ленинграде. (Жамцарано умер в 1942 в Соль-Илецкой тюрьме г. Орла.) Это был подлинный конец школы Щербатского и научного проекта ИНБУК.

Результаты сделанного учеными ИНБУК составили такой вклад в развитие мировой буддологии, тибетологии, востоковедения в целом, который трудно

переоценить: в особенности, в области буддийской теории правильного познания, логики, истории буддизма, философии Праджняпарамиты и йогачары. В Советском Союзе, начиная с 1970-х гг., также было начато возрождение буддологии, — и его составил, прежде всего, проект изучения Абхидхармы, т. е. продолжение дела, инициированного и планируемого Ф. И. Щербатским в рамках ИНБУК.

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 6. Л. 244. Справочные протоколы и материалы заседаний Комиссии СНК СССР по содействию работам Академии наук СССР.

² Там же. Л. 240–239.

³ Этот же новый Устав ввел новое число кафедр действительных членов, увеличив их с 45 до 70, а впоследствии их довели до 85, что означало необходимость избрания 42 новых академиков, при этом теперь и научные, и общественные организации получили право выдвигать свои кандидатуры в академики. Ученые еще не осознавали во всей полноте грядущих последствий этих изменений, надеясь на сохраненную процедуру выборов, по которой для избрания надо было получить 2/3 голосов академиков. Но уже в 1928 г. перед предстоящими выборами власти начали проводить своих кандидатов, приступив таким образом к советизации Академии. См.: *Кольцов А. В.* Выборы в Академию наук СССР в 1929 г. // ВИЕТ. 1990. № 3. С. 53–66.

⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 6. Л. 180. Планы работ Академии наук на 1927/28 по гуманитарным наукам.

⁵ Там же.

⁶ Занимательно, что в тот период в русском языке, тяготевшем к словообразовательному суффиксу *-ист* (марксист, тибетанист), происходило многозначительное совпадение понятий «буддолог» и «буддист», а спокойное использование этого омонима свидетельствует об отсутствии политического страха у С. Ф. Ольденбурга.

⁷ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 6. Л. 179–180.

⁸ См.: *Щербатской Ф. И., Ольденбург С. Ф., Тубянский М. И.* Институт изучения буддийской культуры (Объяснительная записка к проекту учреждения при АН СССР Института изучения буддийской культуры) // Изв. АН СССР. Сер. 6. 1927. № 18. С. 1702.

⁹ А. И. Введенский читал постоянный курс «Логики», а впоследствии издал этот курс под названием «Логика как часть познания».

¹⁰ Махаяна — «северная» традиция буддизма, по классификации, исходящей из направлений распространения, и «поздняя» — по классификации периодов введения в обиход текстов этой традиции в самой Индии.

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 34.

¹² *Кожевникова М. Н.* Путь к Знанию пути. К истории буддологической школы Ф. И. Щербатского // Буддизм России. 1998. № 29–30. С. 93–110.

¹³ Архив востоковедов СПб ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 5. Д. 5.

¹⁴ По письму Е. Обермиллера от 21 июля 1928 г. СПФ АРАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 67.

¹⁵ Известия АН СССР. Сер. 6. 1928. Т. 21. С. 515–519.

¹⁶ *Щербатской Ф. И.* Философское учение буддизма. Первая буддийская выставка в Петербурге. Пг., 1919.

¹⁷ Там же. С. 3–4.

¹⁸ Прочитан в Восточном отделении императорского Русского археологического общества, опубликован затем как статья «Буддийский философ о единобожии». См.: Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического Общества, издаваемые под ред. барона В. Р. Розена. Т. 16. С. 058–065.

¹⁹ *Щербатской Ф. И.* Указ. соч. С. 7.

²⁰ Там же. С. 48.

²¹ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 218.

²² Лама-распорядитель монастыря (монг.).

²³ СПФ АРАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 67. Письма А. И. Вострикова к Ф. И. Щербатскому.

²⁴ Тиб.: терминологический словарь.

²⁵ Тибетский перевод названия Праманавартика («Ясное объяснение»).

²⁶ СПФ АРАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 67.

²⁷ Там же. Ф. 775. Оп. 1. Д. 212. Пекинские дневники.

²⁸ Он писал Ковалевскому: «Наконец, слава Богу, я увидел тибетские Ганчжур и Данчжур и не в одних кумирнях, в которых мне нынче и не раскрывали их... Я еще только что получил ... кое-как успел просмотреть каталог Данчжура, каталога Ганчжура, к несчастью, нет. Этот каталог Данчжура едва ли не самая большая ценность во всем этом сочинении: он составлен на 4 языках с примечаниями. Что я могу сказать Вам еще больше. Это такая громада, в которой я совершенно растерялся...» — СПФ АРАН. Ф. 775. Оп. 1. Д. 244. Материалы по изданию трудов В. П. Васильева. (Пекинский дневник — обработан И. Колубовским) Л. 35.

²⁹ Использование неликвидных ценностей Госхрана, предложенное Совнаркомом в отношении Монголии, происходило в 1928 г. наряду с начавшейся активной продажей музейных ценностей за границу, против чего пытался бороться С. Ф. Ольденбург.

³⁰ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 6. Л. 105.

³¹ По письму А. И. Вострикова к Ф. И. Щербатскому. — СПФ АРАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 67.

³² Из письма от 10.08.1928 г.

³³ Философское сочинение, освещающее историю индийской философии.

³⁴ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 593. Письма М. И. Тубянского к С. Ф. Ольденбургу.

³⁵ По письмам от 20.08.1928 г. и от 25.07.1929 г. к С. Ф. Ольденбургу. — СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 425.

³⁶ Бурят.: учитель.

³⁷ Тиб.: философия.

³⁸ СПФ АРАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 218.

³⁹ Праджняпарамита-пиндартха — краткий комментарий на сутры Праджняпарамиты, основные тексты поздней северной традиции Махаяны. Праджняпарамита (санскр.) — «запредельная мудрость», область буддийского учения, посвященная постижению реальности и связанной с этим махаянской философии *пустоты* (относительности — по Щербатскому).

⁴⁰ В этом перечне упоминаются основные курсы и программы буддийского монастырского образования.

⁴¹ Тиб.: *sa lam* — буквально: «ступени и пути», жанр махаянских текстов, систематически излагающих материал Абхисамаяаламкары, т. е. в принципе, — сводку учения Праджняпарамиты.

⁴² Монастырская школа философии.

⁴³ В бурятском произношении — Дзонхавы.

⁴⁴ Издано в: Acta Orientalia. Т. 11. 1932. [Вып. 1]. С. 1–133; 1933. [Вып. 2]. С. 334–354.

⁴⁵ СПФ АРАН. Ф. 725. Оп. 4. Д. 108. Краткая предварительная опись научным работам и материалам М. И. Тубянского, найденным или обработанным в МНР.

⁴⁶ О содержательной и формальной жизни ИНБУК см. также ст.: Кожевникова М. Н. К истории создания Института буддийской культуры (ИНБУК) АН СССР: 1927–1930 гг. Значение научных экспедиций школы академика Щербатского // Междунар. науч.-практ. конф. «Рериховское наследие». Т. III. Восток–Запад на берегах Невы. СПб., 2007. Ч. 1. С. 314–329.

⁴⁷ Дальше документация ИНБУК цитируется по документу Архива востоковедов СПб ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 5. Д. 5.

⁴⁸ Факты из жизни Ольденбурга приводятся по кн.: Каганович Б. С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2006.

⁴⁹ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 93.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. 1728. Д. Сн–024/13.

⁵¹ Там же. Д. 457. Л. 2.

⁵² Там же. Л. 37.

⁵³ Там же.

⁵⁴ СПФ АРАН. Ф. 239. Оп. 1. Д. 10. Общество воинствующих материалистов-диалектиков.

⁵⁵ Архив востоковедов СПб ИВР РАН. Ф. 53. Оп. 1. Д. 64, 65.

⁵⁶ Там же. Ф. 152. Оп. 5. Д. 5. ИНБУК.

⁵⁷ СПФ АРАН. Ф. 725. Оп. 2. Д. 53. Документы о деятельности в ИВАН СССР (1936–1940).

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 457.

⁵⁹ СПФ АРАН. Ф. 725. Оп. 2. Д. 53. Документы о деятельности в ИВАН СССР (1936–1940).

⁶⁰ СПФ АРАН. Ф. 725. Оп. 3. Д. 19.

Сведения об авторах

Баженова Наталья Михайловна — кандидат филологических наук, заведующая научно-исследовательским отделом изданий Академии наук Библиотеки РАН

Басаргина Екатерина Юрьевна — доктор исторических наук, заведующая отделом публикаций и выставочной деятельности Санкт-Петербургского филиала Архива РАН

Виттенбург Евгения Павловна — действительный член Русского географического общества, член общества «Мемориал», ветеран труда, историк науки

Кожевникова Маргарита Николаевна — кандидат философских наук, научный сотрудник Музея-квартиры П. К. Козлова СПбФ ИИЕТ РАН

Красникова Ольга Алексеевна — кандидат исторических наук, заведующая сектором картографии Библиотеки РАН

Лоскутова Марина Викторовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник СПбФ ИИЕТ РАН

Смагина Галина Ивановна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник СПбФ ИИЕТ РАН

Смирнов Валентин Георгиевич — доктор исторических наук, и. о. заведующего сектором истории Академии наук и научных учреждений СПбФ ИИЕТ РАН

Соболев Владимир Семенович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПбФ ИИЕТ РАН

Стецкевич Елена Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и мировой политики Северо-Западной академии государственной службы

Сухова Наталья Георгиевна — кандидат географических наук, старший научный сотрудник СПбФ ИИЕТ РАН

Тропп Эдуард Абрамович — доктор физико-математических наук, профессор, главный ученый секретарь Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН

Феклова Татьяна Юрьевна — младший научный сотрудник СПбФ ИИЕТ РАН

Хартанович Маргарита Федоровна — доктор исторических наук, заведующая отделом истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII в. (Музей М. В. Ломоносова) МАЭ РАН

Черказьянова Ирина Васильевна — доктор исторических наук

Чумакова Татьяна Витаутасовна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии религии и религиоведения СПбГУ

Юсупова Татьяна Ивановна — кандидат исторических наук, ученый секретарь СПбФ ИИЕТ РАН

Содержание

Предисловие	5
Ученые учреждения Академии наук	
Историография учреждений Академии наук (1724–1934 гг.) (И. В. Черказьянова).....	11
Художественные палаты в первой половине XVIII века (Е. С. Стецкевич).....	83
Санкт-Петербургский филиал Архива — ровесник Академии наук (В. С. Соболев).....	106
Источники по истории Геологического музея Императорской Академии наук (Е. Ю. Басаргина).....	128
Комиссия, учрежденная для применения электромагнитной силы к движению машин по способу профессора Якоби Императорской Академии наук (1837–1842 гг.) (М. Ф. Хартанович).....	161
Комиссия по снаряжению Русской полярной экспедиции (Экспедиции для поиска земли Санникова под руководством Э. В. Толля) (Н. Г. Сухова).....	170
Постоянная водомерная Комиссия Академии наук: история создания и деятельности (1903–1919 гг.) (В. Г. Смирнов).....	220
Комитет учета научных работников и изучения научных сил СССР — КУИНС (1916–1934 гг.) (В. С. Соболев).....	289
Археографическая комиссия в начале XX века (М. Ф. Хартанович).....	309
Комиссия по научным экспедициям Академии наук (1921–1930 гг.) (Т. И. Юсупова).....	323
Монгольская комиссия (1925–1953 гг.) (Т. И. Юсупова).....	345
Полярная комиссия Академии наук (1914–1936 гг.) (О. А. Красникова).....	383
Комиссия по изучению производительных сил Якутской АССР (1925–1930 гг.) (Е. П. Виттенбург).....	450

Институт буддийской культуры (1928–1930 гг.) (М. Н. Кожевникова).....	495
Комиссия по истории Академии наук (1938–1953 гг.) (Т. В. Чумакова).....	512
Комиссия по делам ленинградских академических учреждений (конец августа 1941 г. – 10 апреля 1942 г.) (Н. М. Баженова).....	530

Академия наук и научное изучение России

Участие Санкт-Петербургской Академии наук в научных экспедициях и командировках в первой половине XIX века (организационно- административные аспекты проблемы) (Т. Ю. Феклова).....	573
Сотрудничество Академии наук и Морского министерства в области метеорологии во второй половине XIX века (В. Г. Смирнов).....	601
Академия наук и исследование полярных областей в конце XIX столетия (Н. Г. Сухова).....	636
Академия наук и изучение Сахалина в начале XX века (В. С. Соболев).....	661
Академия наук и деятельность Центрального бюро краеведения (1921–1927 гг.) (М. В. Лоскутова).....	665

Научное издание

Комиссии Академии наук в XIII–XX веках
Исторические очерки

Утверждено к печати

*Ученым советом Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова*

Ответственный редактор
чл.-корр. РАН Ю. М. Батулин

Выпускающий редактор М. В. Беглецова
Корректор И. Ю. Сумерина
Оригинал-макет М. Н. Николаева
Дизайн обложки Е. В. Кудина

Подписано в печать 07.03.2012. Формат 70×100^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 45,75. Заказ № 2596
Тираж 500 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru; www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел. (812)622-01-23